

Прагматика интеллектуальной оценки

И. В. Беляева

(Северо-Кавказская академия государственной службы)*

Помимо эмоциональной оценки (по шкале «хорошо» – «плохо»), в языковой картине мира существенную роль играет интеллектуальная оценка, включающая параметры «важно», «много», «мало», которые выражаются с помощью лексических, грамматических, словообразовательных и синтаксических языковых средств.

Ключевые слова: прагматика, интеллектуальная оценка, категория количества, грамматическая категория, множественное число, коммуникация.

Pragmatics of Intellectual Appreciation

I. V. Beliaeva

(North-Caucasian Academy of State Service)

Abstract: Besides emotional appreciation (scale «good» – «bad») an intellectual appreciation, which includes such characteristics as «important», «much», «little», plays an essential role in linguistic worldview. These characteristics can be expressed by lexical, grammatical, word-formative and syntactical language facilities.

Keywords: pragmatics, intellectual appreciation, category of quantity, grammar category, plural number, communication.

Оценка выступает субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего мира, а под значимостью обычно понимается способность или неспособность отвечать социальным потребностям человека. Чаще всего значимость объекта в человеческом познании связывается с противопоставлением пейоратива и мелиоратива, осуществляемым преимущественно на эмоциональном уровне. Ср.: «Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо/плохо» (Вольф, 2002: 9).

Эмоциональная оценка передается с помощью единиц всех уровней языка. На фонетико-фонологическом уровне оценка выражается с помощью такого суперсегментного средства, как интонация (даже мелиоративы типа *молодец, умница* могут быть произнесены с такой интонацией, что превращаются в свою противоположность — в иронизмы). На лексическом уровне эмоциональная оценка передается синонимическими средствами языка (ср. традиционное название одного из разрядов синонимов — эмоционально экспрессивные), на словообразовательном — с помощью аффиксаль-

ных средств (есть пейоративные суффиксы типа -й, -щин: *офицерье, старье, ахматовщина, есенинщина, достоевщина* и под.). Ср.:

Были мы люди, а стали людье.

(О. Мандельштам «Дикая кошка — армянская речь»).

Ср. также неологизм *образованщина*, созданный А. И. Солженицыным и вошедший в широкое употребление в качестве антонима к слову «интеллигенция». Ср.: *Так всего-то в ристалище этого зала, чужом для меня ристалище, соревновались вожди власти, когорты приставленных да интеллигенция: чтоб не отняли у них позиций и благ, какие они считали своими. Вот она и есть, центровая образованщина. Ни народной правды, ни голоса о том, что есть еще какая-то низовая страна Россия... (А. Солженицын «Бодался теленок с дубом»).*

Помимо эмоциональной оценки, многие авторы выделяют оценку интеллектуальную (или рациональную). Конечно, разграничение эмоциональной и интеллектуальной оценок условно (в силу того, что любая эмоция, выражаемая в естественном языке, имеет рациональную основу). Эмоциональное и интеллек-

* Беляева Ирина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций Северо-Кавказской академии государственной службы. Тел: (8632) 40-60-06. Эл. адрес: brusensk@yandex.ru

туальное в оценке подразумевает две разные стороны отношения субъекта и объекта: первое — его чувства, второе — его мнения. Интеллектуальная оценка выражается в языке менее отчетливо по сравнению с эмоциональной. Предметом интеллектуальной оценки могут быть разные стороны реальной действительности в ее восприятии человеком (субъектом оценки): достоверность/недостоверность тех или иных фактов, бытование объектов во времени и пространстве, утилитарная полезность предметов и многое другое.

При широком понимании прагматики в ее орбиту включаются оба типа оценок. Под прагматикой обычно имеется в виду закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности; 2) к содержанию сообщения; 3) к адресату. Отношение говорящего к содержанию сообщения включает: 1) оценку по параметру истинности (передается вводными и модальными частицами); 2) оценку по параметру иллокутивной функции (обещание, просьба и т. п.). Отношение говорящего к адресату выражается с помощью многочисленных лексических и грамматических средств, которые содержат указание на относительные статусы говорящего и адресата в разных типах иерархии. Особенно ярко такие встроенные указания проявляются в системе обращений.

В некоторых случаях значимость объекта в человеческом познании отражается не в отнесенности к одному из двух полюсов (мелиоратив — пейоратив), а в общем виде. Это происходит, вероятно, в тех случаях, когда человек не может точно определить знак оценки или намеренно отказывается от этого. Такую общую оценку Д. И. Руденко называет оценкой «важно» и относит ее к оценкам интеллектуального типа, отмечая, что такая оценка, конечно, не вполне канонична в лингвистике, осознается она гораздо менее отчетливо, чем оценки «хорошо» и «плохо» (Руденко, 1990: 166). Он предлагает и диагностические контексты, где проявляется эта оценка. По-русски можно сказать *Он типичный представитель дворянства*, но неупотребительно *Он типич-*

ный представитель дворян, поскольку в слове *дворянство* выражена оценка «важно», предметом которой в сфере собирательных имен имеется некоторое свойство (отношение) класса, но не класс в целом, то есть способность существительного на -ство приносить в высказывание содержание, тесно соотносящееся со словом «типичный», объясняется тем, что они выражают оценку «важно». Ср. также: «Гносеологическая природа оценки «важно» состоит в том, что признак, связанный с ценностным отношением как таковым, — чем и объясняется его значимость — может быть не отнесен к тому или иному определенному полюсу оценки, то есть к «хорошо» или «плохо»... Это целостное отражение значимости как таковой» (Бондаренко (ред.), 1996: 202).

В цитируемой монографии отмечается: именно потому, что у слов *студенчество*, *учительство* есть оценка «важно», мало приемлемы высказывания типа *студенчество сидело на скамейке*, *учительство шло в столовую*, ибо действия, о которых говорится в этих предложениях, в оценке большинства носителей языка не являются особо значимыми. Не отрицая справедливости этого наблюдения, отметим также, что, очевидно, приведенные высказывания не нормативны еще и в силу того, что эти слова выражают (в норме) еще один тип интеллектуальной оценки — количественную оценку. *Студенчество*, *учительство* — это много. Уже в силу этого *студенчеству* затруднительно *сидеть на скамейке* или *идти в столовую*.

Оценку, имеющую своим предметом сферу количественной определенности, называют количественной оценкой. Основанием количественной оценки является сравнение с неким эталоном, идеалом, то есть она также создается путем сравнения с некоей средней величиной или с ожидаемым количеством. Количественная оценка отличается от количественной констатации. Первая передается специализированными средствами (особыми лексемами типа *уйма*, *море*, *капля*, устойчивыми оборотами и фразеологизмами), вторая — с помощью количественных числительных. Однако даже такое «точное» средство

передачи количества, как числительное, не свободно от национально-специфических интерпретационных компонентов. Дело в том, что числительные, как правило, принадлежат к исконной лексике, и с их помощью люди издавна не просто осуществляли счет, но и стремились осмыслить (оценить) окружающий мир. То есть нумерология вовлекается в процесс национального самопознания и самовыражения. Многие из счетных слов оказываются насыщенными фоновой и коннотативной семантикой. Так, числительное *два* и существительное *пара* используются как символ для «мало» (*в двух шагах, от горшка два вершка, пара пустяков*), что, в общем, мотивировано. А уже следующее слово в натуральном ряду чисел — числительное *три* — уже символизирует «много». Ср.: *Наврат с три короба*. А числительное *семь* (*семеро*) и вовсе связывается с представлением «очень много»: *семь нянек, работать за семерых, один с сошкой — семеро с ложкой, семь бед — один ответ, семь раз отмерь*.

Предметно-признаковое понимание количества отражается в том, что переносное количественное значение приобретают имена и именные словосочетания. Минимальное количество и минимальные размеры опредмечиваются в выражениях типа *кот заплакал, с гульки нос, капля в море*, максимальное — *навалом, по горло, с лихвой, курфы не клюют*. Ср.: «Знаками, материальными символами исчезающе малого или недостаточного количества становятся *крошка, росинка, песчинка*... В русском языке универсальным «инструментом» измерения наименьшего количества и проверки наличия или отсутствия чего бы то ни было становится *капля*, которой «измеряются» не только жидкие вещества, но и время, чувства, отношения — *подожди капельку, ни капли не боюсь*». (Рябцева, 2000: 109).

Действительно, количественное значение нивелирует различия в лексической сочетаемости, характерное для прямых номинативных значений (*капля* сочетается с существительными, обозначающими жидкое вещество, *крошка, крутица* — твердое), и делает одинаково возможными сочетания их с отвлеченными существительными: *капля правды, крутица правды*.

Если в научном познании нужны все более точные измерения количества, то практический опыт, напротив, соотносит количество не столько с точной шкалой, сколько с жизненными ситуациями, и поэтому здесь оценка количества психологизируется и субъективируется. В обыденном сознании количество «опредмечивается», а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и поэтому окрашивается психологическим отношением к нему: не случайно уменьшительные и ласкательные суффиксы совпадают (Зубкова, 2001: 92–93).

К общеязыковым средствам передачи количественной оценки относятся отдельные прилагательные (*целый*) и частицы (*только, всего, аж*). Атрибутами *добрый, битый, целый* говорящий выражает мнение, что называемое количество в данной ситуации слишком большое, а словами *только, лишь всего, несчастный, жалкий, какой-нибудь, какой-то* — говорит, что считает называемое количество маленьким. Слова *жалкий, несчастный* наиболее субъективны и эмоциональны: говорящий считает, что количество чего-то оскорбительно мало, что не заслуживает обсуждения. С помощью слова *целый* говорящий сообщает, что количество чего-либо выше нормы и ожиданий; возможно, говорящий сам удивлен, что количество так велико. Количественные характеристики бывают важны для построения высказывания и текста, обладающих оценочной модальностью. Оценочная модальность — это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией (точнее — каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащей в основе норм оценки. Оценочная модальность формируется на основе эмоциональной или рациональной оценок (количественная оценка — это, как правило, рациональная оценка, хотя есть немало случаев «гибридных» оценок, совмещающих оба эти свойства). Ср.: *Чемодан весит целых 30 кг, и*

его невозможно сдвинуть с места и Чемодан весит всего 30 кг, и его невозможно сдвинуть с места. Ясно, что семы много/мало, содержащиеся в словах *все*, *целый*, *аж*, *только* и подобных, не должны противоречить общей количественной оценке, которую передает предложение, высказывание или текст. Итак, количественная оценка может передаваться разнообразными лексическими средствами — специальными частицами, фразеологизмами, числительными в составе устойчивых выражений. «Морфологически одаренный» русский язык располагает и аффиксами, заключающими в себе идею количества. Ср. *деньги* и *деньжищи*. Количественная идея становится вещественным значением основы производного слова — *деньжищи*, при этом к числу признаков, отраженных в лексическом значении мотивирующего слова, прибавляется количественный признак величины, отраженный в значении суффикса.

Имена различных лексико-грамматических разрядов по-разному представляют и количественную оценку. У собирательных существительных издавна привлекает внимание возможность передавать пейоративные и мелиоративные характеристики. Грамматиками и словарями издавна фиксируются прагматические различия, свойственные парам «офицерство» и «офицерье»; яркая отрицательная оценочность последнего не позволяет построить сочетания типа *умное*, *честное*, *благородное офицерье*. Помимо эмоциональных оценок, связанных с разными аллосемами пейоративности и мелиоративности, собирательные существительные способны передавать чисто количественную оценку — «много». Большой объем множества, передаваемый, например, словами типа *листва*, может представлять несущественной даже отдельность его составляющих — в том случае, если они не обладают значимыми индивидуальными признаками. Слово *студенчество* именно вследствие имплицитной оценки «много» легко входит в сочетания *студенчество нашего города*, *области*, *страны* и не типично в сочетаниях *студенчество второй группы первого курса*. Когда говорится *судьба казачества*, то имеется в виду судь-

ба многих представителей этого сословия. Ср.: «судьба казаков» — это может означать только отдельных (немногих) представителей сословия.

Еще в античных грамматиках было отмечено, что идея «много» передается вещественными существительными не формой множественного числа, а прибавлением кванторного слова типа *много*. Между тем есть ряд лексем, которые регулярно передают формой множественного числа именно этот смысл — «много» Ср. *вода* — безотносительно к количеству и *воды* = большое количество воды (не просто неопределенное множество, как *столы*, а именно большое количество, много): *прибрежные воды*, *воды Тихого океана* и проч. Ср.: *Между нами снега и снега* (А. Сурков) — здесь количественная множественность и протяженность подчеркнуты не только числовой формой, но и повтором. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой указано, что формы *льды*, *воды*, *снега* обладают особой прагматикой и уместны в высоком стиле как проявление множественного эмфатического. В то же время частотны вполне обычные, стандартные, без всякой эмфазы, формы *пески*, *воды*, *льды* для обозначения большого количества: *Вплоть до середины июля обильное скопление льдов в прибрежных водах резко сдерживало рейдовую разгрузку судов*. Для заведомо большого количества единственно нормативной является форма множественного числа. Правильно сказать: *бороздить воды океана*, но: *скрылся под водой*. Так что главное назначение таких форм не столько в эмфатическом выдвигании, сколько в акцентировании смыслов «много», «большое пространство», «большое количество».

Нумерализации могут подвергаться и имена отвлеченные. При этом их исходное лексическое значение — процессуальности — смещается в плоскость «объемности», «массы». Это слова *ливень*, *листопад*, *лавина*, *каскад*, *водопад*, *дождь*, *шквал*, *фейерверк*. Ср.: *лавина протеста*, *лавина публикаций*, *каскад рекордов*, *фейерверк ярких дебютов*, *шквал писем*. Формы множественного числа от отвлеченных имен способны передавать различное семантическое

и прагматическое содержание, в том числе и количественную оценку «много». Ср. пример, где передается не просто значение множества, а подчеркивается его масштабность и объем: *Только он один продержался в защите очистительного движения после XX съезда (в чем очистительного? Все золы режима перевалить на Сталина?)* (А. Солженицын «Бодался теленок с дубом»). В идиостиле А. Солженицына ключевую роль играют формы множественного числа от слов *ложь, жестокость*: формы *жестокости, лжи* выступают символами эпохи тоталитаризма. Именно форма множественного числа позволяет данным отвлеченным понятиям символизировать определенные события, явления, подчеркивая их реальную множественность и разнородность.

Количественную оценку «много» часто передает повтор. Ср.: *Вдоль дороги много столбов и Вдоль дороги столбы, столбы, столбы*. План содержания здесь один и тот же. Но если в первом высказывании он реализуется через комплекс понятий, который создается в сознании читающего лексическим значением языковых единиц, то есть на сигнификативном уровне, то во втором случае дополнительно к этому еще и организуется план выражения — контактная последовательность повторяющихся слов как бы имитирует линейное расположение референтов. Денотативный уровень в этом случае есть подкрепление сигнификативного. С помощью повтора создается значение количественной оценки: говорящий считает (чувствует), что описываемых объектов много. Однако возможны случаи, когда повтор (вопреки тому, что это древнейший способ представления именованно-качественного множества), передает смысл не «много», а «мало». Ср.: *Конечно, по уму-то надо было через руководство действовать, как-никак — коллега, но время, время, время... Его не хватало* (А. Маринина «Закон трех отрицаний»). Заметим, что даже если бы здесь не было замечания «его не хватало», повтор все равно передавал бы именно смысл «мало». Думаем, что этот пример подтверждает то положение, что количественная (рациональная, интеллектуальная) оценка, в той же степени, как и оцен-

ка эмоциональная, относится к сфере прагматической семантики, которая по своей природе более ситуативна и зависима от контекста, чем семантика когнитивная. Можно представить, пожалуй, только одно существительное, которое в подобной конструкции будет обозначать «мало» — деньги. Ср.: *Хотел купить дом, но деньги, деньги, деньги...*

Познание сущности интеллектуальной оценки тесно связано с когнитивными исследованиями, в частности с таким понятием, как конструирование мира, и вообще — с исследованиями языковой картины мира. Разнообразные средства выражения оценки (особенно — лексические) закономерно отнести к единицам одновременно языка и культуры, поскольку они способны выполнять функцию символа, вызывающего некоторое фоновое знание (например, символика числа, отраженная во фразеологии). На современном этапе развития языка, когда его носители обладают огромным запасом языковых средств, особый интерес представляют средства, позволяющие не просто передать то или иное мыслительное содержание, но отразить его наилучшим образом, то есть решить коммуникативные задачи с максимальным эффектом воздействия на адресата речи. И среди языковых единиц, позволяющих усилить воздействующие функции речи, важное место занимают прагматически значимые средства интеллектуальной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко, А. В. (ред.) (1996) Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб. : Наука.
- Вольф, Е. М. (2002) Функциональная семантика оценки. М. : УРСС.
- Зубкова, Л. Г. (2001) Язык в отношении к миру и человеку // Человек. Язык. Искусство. Материалы Междунар. науч.-прак. конф. М. : МГПУ.
- Руденко, Д. И. (1990) Имя в парадигмах «философии языка». Харьков.
- Рябцева, Н. К. (2000) Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. М. : Индрик.